

Антон Большемысов

Где не бывает
Февраля

Антон Большемысов

Где не бывает Февраля

<https://litres.ru/73978304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мартин Эйлерт - сгорающий от скуки учитель латыни из далёкого северного города Зильбертфельс, волею судьбы становится наследником целого тропического острова на противоположном конце света.

Но... не всё так радужно, как это может показаться с первого взгляда.

Антон Большемысов

Где не бывает Февраля

Глава 1

Его звали...

Его звали Мартин Эйлерт.

К сорока семи годам ему казалось, что он исчерпал мир. Будто он перебрал все струны, какие только есть на свете, — одни лопнули сами, другие он оборвал нарочно, третьи загудели фальшиво и смолкли навсегда. И теперь в тишине остался только ровный, утомлённый гул.

Гимназия в Зильбертфельсе, где он учил детей, стояла у самого подножия Хримтурса. Его кабинет, светлый и высокий, глядел на восток огромными окнами, похожими на иллюминаторы корабля, вмерзшего в гранит. В тот день на потолке играли блики — это снег за окном начал схватываться тонкой, хрусткой коркой, похожей на слюду. И вдруг, среди размеренного хода урока, родился звук. Низкий, тягучий вой, словно где-то далеко, над белой пустыней, арктический зверь звал сородичей.

Пятиклассники замерли, раскрыв рты.

— Неужели волки? — шепотом спросила девочка с косичками, похожими на смоляные канаты. — Зима... она их

прогнала из тундры?

Мартин покачал головой. Он знал, как успокоить маленький экипаж.

— Нет, — отвечал Мартин. И добавлял чуть насмешливо, чуть устало: — Это Февраль. Он всегда так. Дует с океана и свистит в пустых флагштоках. Ему кажется, что так он в меру сил приближает весну. Но на самом деле это просто песня напрасных надежд.

Там за стеной, в углу здания, вмурованы в камень пустые трубки для флагштоков. Летом в них воткнут древки ультрамариново-бело-золотых знамен — в честь победы над Вендеей, последней победы, которую Империя одержала над кем-то, кроме самой себя. И сейчас ветер, не найдя флага, плачет в жестяной пустоте.

После уроков он шел мимо таверны «Мокрый якорь». Из дверей иногда тянуло дымом сигар, густым вишнёвым вином и ещё чем-то запретным, о чём он не хотел и думать. Он ни разу не заходил внутрь. К чему? Утро всё равно наступает слишком рано, и всё, что случается вечером, оно делает мелким и ненужным.

А ещё через две недели снег осядет, сделается рыхлым, и вдруг — сразу, как по команде — на тротуарах появятся проталины, похожие на рваные карты неизведанных земель. Девушки, идя по мокрому асфальту, будут осторожно переступать лужи, а тонкая ткань чулок замелькает быстрым, трепетным парусом. Мартин смотрел на них с той тихой, почти

бесплотной грустью, с какой смотрят на улетающих птиц, понимая, что стая уже не твоя. «Клюнет ли такая чайка на старую, обомшелую сваю?» — думал он.

Когда-то, давно, одна, такая же юная и красивая — обещала ему быть рядом всегда. Потом она уехала в столицу, и обещание выцвело, как дешёвый ситец. У неё теперь другой дом, другие улицы, другой мужчина — говорят, удачливый. Мартин не проверял. У него была своя правда: две комнаты в старом кирпичном доме, плетёное кресло на балконе и счёт в банке, на который каждые две недели капали кроны. Мартин честно складывал их, пытаясь накопить на билет хотя бы до горизонта, но каждый раз деньги таяли, как тот снег, оставляя лишь мокрый асфальт. Бесполезность этого занятия напоминала ему заседания педсовета: там важные люди меняли местами параграфы в учебниках, переименовывали старые понятия в новые термины, и всем было скучно. Мартин слушал, кивал и чувствовал, как внутри оседает мелкая, серая пыль. Раньше он ворчал. Теперь не хватало сил даже на это.

А потом растает и последний снег. Водители, самые смелые, будут гонять в кабриолетах вдоль набережной, разрезая ветер своими улыбками. А он — смотреть на них с усталой завистью, зная, что кабриолет ему не купить никогда.

Но сегодня, вернувшись домой, он почему-то распахнул все окна. Вынес на балкон плетеное кресло, такое же старое и скрипучее, как его собственные суставы, и сел лицом к мо-

рю. В комнату хлынул воздух — ещё сырой, ещё не весенний, но уже пахнувший морем. Море внизу взломало лёд. Оно дышало тяжело, как проснувшийся зверь, и это дыхание было сильнее усталости.

Он смотрел вдаль и просчитывал курс. Курс вел в никуда. Как вдруг...

Тонкий, требовательный звонок расколол вечернюю тишину.

Он открыл дверь. На пороге стоял мальчишка в синей куртке Имперской почты, с туго набитой сумкой через плечо. Посыльный. С лицом, обветренным февральским ветром:

— Вам телеграмма, господин Эйлерт. Распишитесь здесь. Срочная.

Мартин взял карандаш, поставил подпись — медленно, как ставят точку в конце слишком длинного предложения.

Мальчишка убежал, стуча каблуками по каменным ступеням.

Он стоял в прихожей, держа в руках серый конверт, и чувствовал, как Февраль за окном постепенно теряет власть над миром. Телеграмма была плотной, ощутимо весомой — будто в ней скрывалось нечто большее, чем просто бумага и типографская краска.

Географию Мартин знал плохо. А латынь он знал отлично — и считал её самым бесполезным предметом во всех гим-

назиях империи, включая свою собственную. Бесплезным, как знание всех созвездий для человека, который никогда не выходил в море.

Доминион Олденир. Он смутно помнил, что это где-то на противоположной стороне света, за тремя океанами и двумя линиями перемены дат. А к западу от основного острова — архипелаг Эрангель. И в нём — остров Ахангар.

Весь остров, целиком, до последнего камня, до последней пальмы, до последней песчинки на берегу, принадлежал его тётке. Сестре отца, умершего так давно, что его лицо уже стёрлось из памяти, остался только запах табака и скрип половиц под тяжёлыми шагами. Тётку Мартин не знал вовсе. Александра Гумберт — имя звучало как название далёкой звезды, которую никогда не увидишь в телескоп.

Будто её не существовало вовсе.

Она и не существовала. До этого вечера. До этой минуты.

Мартин перечитал телеграмму. Буквы были чёткими, сухими, казёнными — такими печатают только известия, которые нельзя отменить.

АЛЕКСАНДРА ГУМБЕРТ СКОНЧАЛАСЬ 27 ФЕВРАЛЯ 1984 ГОДА В 23 ЧАСА. ВЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК ПО ЗАВЕЩАНИЮ И ЗАКОНУ. ПОДЛИННОСТЬ ПОДТВЕРЖДАЮ: АДВОКАТ САМУЭЛЬСОН.

Мартин перечитал телеграмму трижды. Потом ещё раз.

Двадцать седьмое февраля. Здесь, в Зильбертфельсе, в тот день ещё лежал снег. А на острове Ахангар, должно быть, цвели какие-нибудь незнакомые ему деревья. Или стояла жара. Или шёл тропический ливень — тёплый, плотный, пахнущий солью и незнакомой землёй.

Февральский ветер дёрнул раму, и по потолку снова побежали блики от льда. Но теперь Мартину показалось, что это не просто отражения — это свет далёкого тропического солнца пробивается сквозь время и пространство, чтобы коснуться его плетёного кресла, его старого паркета, его уставших рук.

ВЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК ПО ЗАВЕЩАНИЮ И ЗАКОНУ.

Он подошёл к окну. Хримтурс синел на горизонте, холодный и неприступный, как всегда. Но где-то там, за его спиной, за спиной Февраля, за спиной всей этой долгой зимы, лежал остров, которого он не знал. С тёплым песком. С океаном, который никогда не замерзает. С пальмами, под которыми можно сидеть и слушать, как волны говорят на языке, не требующем перевода.

Александра Гумберт.

Мартин вдруг понял, что ничего о ней не знает. Даже не знает, сколько ей было лет. Была ли она старше отца? Младше? Почему уехала так далеко? Почему не вернулась? Почему молчали все эти годы? Посылала ли когда-нибудь открытки, которые терялись на почте? Или просто жила сво-

ей жизнью, а на закате, глядя на океан, иногда вспоминала, что где-то далеко-далеко есть племянник, который учит детей самому бесполезному языку на свете?

Мартин Эйлерт, учитель латыни, владелец плетёного кресла и двухкомнатной квартиры в старом кирпичном доме, человек, который тридцать лет не мог накопить на кабриолет, — теперь владел островом.

Он представил себя на острове — с книгой в руках, под пальмой, в белых штанах и сандалиях, которых у него отродясь не было. Представил и тут же отогнал эту картинку, как слишком яркую, слишком неправдоподобную.

Он услышал собственный смех. Короткий, хриплый, почти беззвучный.

Тогда он встал, подошёл к книжному шкафу и достал старый, потрёпанный атлас Империи. Раскрыл наугад — и долго водил пальцем по страницам, пока не нашёл.

Архипелаг Эрангель. Ахангар. Маленькая точка среди синевы океана, такая далёкая, что её почти не было видно.

Где-то в порту гудел туманный горн. А в тёплом океане, на другом конце света, волны набегали на берег, которого Мартин Эйлерт никогда не видел.

И который теперь принадлежал ему. Весь. До последнего камешка.

— Ну вот, — сказал он Февралю за окном. — А ты всё свистишь.

Февраль молчал. Или, может быть, просто не знал, что от-

ветить. Или просто спал.

Февраль кончился. Утром.

Он не ложился в ту ночь. Не мог.

Сидел у окна, смотрел, как Февраль за стеной мечется в флагштоках, поёт свою вечную песню о том, что весна придёт, надо только потерпеть. Мартин слушал и вдруг поймал себя на том, что больше не верит ни одному его слову.

Столько лет. Столько Февралей. И каждый обещал, каждый свистел, каждый уверял — ещё немного, ещё чуть-чуть, потерпи.

А чего он дождался? Лужи, в которых отражается чужая молодость? Девушек в тонких чулках, проходящих мимо? Кабриолетов, которые никогда не будут его?

Мартин встал, подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу.

— Врёшь, — сказал он тихо. — Всё врёшь. Никакой весны не будет. Будешь дуть вечно, пока я тут сижу и слушаю.

Февраль удивился, притих на мгновение. А потом засвистел снова — но Мартин уже не слушал.

Он подошёл к столу, взял лист бумаги, обмакнул перо.

«Директору Зильбертфельсской гимназии г-ну Фельзенбауму.

Прошу уволить меня по собственному желанию с сегодняшнего числа.

М. Эйлерт».

Коротко. Сухо. Без объяснений. Какие могут быть объяснения у человека, который вдруг понял, что полжизни простоял у окна, слушая обещания ветра?

Последние уроки прошли как в тумане.

Пятиклассники спрягали «amo, amas, amat», и их голоса звучали ровно, монотонно, будто морской прибой, который Мартин слышал только в кинохронике. Он смотрел на них — на эти стриженные затылки, на смешные банты, на сосредоточенные морщинки у переносицы, — и думал: «Я больше никогда не увижу их. Никогда не скажу: „Февраль — это просто ветер в флагштоках“».

— Господин Эйлерт, а что будет на следующей неделе? — вдруг, подняв руку, спросил мальчишка с последней парты.

— На следующей? — Он посмотрел в окно, где дождь месил грязь на школьном дворе. — На следующей ничего не будет. Совсем ничего.

Они не поняли. И не надо.

Звонок прозвенел как-то особенно пронзительно, будто тоже хотел что-то обещать. Мартин провёл пальцем по краю стола, стёр невидимую пыль и поставил пятёрку мальчишке с последней парты.

— До свидания, — обманул учеников Мартин, зная, что прощается с ними навсегда.

— До свидания, господин Эйлерт, — ответил класс.

Дверь закрылась.

В Северном Китобойном банке кассирша — немолодая женщина с усталыми глазами — долго стучала по клавишам счётной машины, сверялась с какими-то списками.

— Вы уверены, господин Эйлерт? Вся сумма? Наличными?

— Вся.

— Но это очень много. Может быть, оформить дорожные чеки? Или перевод?

— Мне нужны деньги, — сказал Мартин. — Которые можно потратить там, где нет банкоматов и отделений банков.

Кассирша подняла брови, но спорить не стала. Ушла в подвал, долго гремела ключами. Вернулась с металлической коробкой.

Мартин смотрел, как она отсчитывает банкноты — хрустящие, новенькие, пахнущие типографской краской. Потом открыла второй ящик, и на свет появились монеты.

Золотые. Серебряные. С профилем старого императора, с гербами доминионов, с надписями на языках, которых он не знал. Они звенели глухо, увесисто, внушительно.

— Пересчитайте. И распишитесь здесь, здесь и здесь.

Мартин расписался. Не стал пересчитывать. Положил банкноты во внутренний карман пальто, мешочек — в портфель, рядом с атласом Империи и телеграммой.

— Счастливого пути, господин Эйлерт, — сказала кассирша без всякого выражения.

Он кивнул. И вышел в дождь, прижимая к себе двадцать три года в гимназии, десятки крон каждые две недели, и никаких кабриолетов.

Дирижабельная пристань находилась на окраине, у самого обрыва. Огромные сигары висели в воздухе, чуть покачиваясь, и ветер посвистывал в их такелаже совсем не так, как в школьных флагштоках. Иначе. Свободнее. И в портовом управлении, где продавали билеты на дирижабли, пахло другим — дизельным маслом, кожей, небом. И чем-то ещё — тем, что бывает только в портах, вокзалах и на пристанях. Тем, что зовётся «дорога». Огромное табло перемигивалось названиями: Аурелия, Атланта, Штормгард, Рассел...

— Олденир, — сказал Мартин в окошечко. — Доминион Олденир. Это возможно?

Кассир, старик с трубкой, глянул на Мартина поверх очков.

— Только с пересадкой, господин. Зильбертфельс — Аурелия, рейс 409. Аурелия — Порт-Сандер, рейс 217. Стыковка четырнадцать часов.

— Беру.

— Каюту какого класса?

Мартин вспомнил мешочек с монетами, тяжело лежащий в портфеле. Вспомнил двадцать три года экономии, двадцать три года отказов себе во всём. Но по привычке произнёс:

— Третьего.

— Правильно, — старик одобрительно кивнул. — В третьем надёжней. Иллюминаторы меньше, зато дует не так. А в первом сквозняки, знаете ли. И публика капризная.

Пробил билеты, протянул тонкие розовые картонки.

— Посадка через два часа. Восточный причал, ворота семь.

Он сидел в зале ожидания, смотрел, как за окнами темнеет небо, как зажигаются навигационные огни на причальных мачтах, как грузчики тащат в чрево дирижабля тюки с почтой, ящики с провизией, клетки с какими-то птицами.

В одиннадцать вечера объявили посадку.

Дирижабль назывался «Северная Аврора».

Он висел над причальной мачтой, огромный, сигарообразный, с выпуклыми блистерами кают по бортам. В свете прожекторов его обшивка отливала перламутром, и Мартин вдруг вспомнил старые открытки, которые коллекционировал в детстве: дирижабли над ночными городами, дирижабли над океаном, дирижабли, уходящие в бесконечность.

Каюта третьего класса оказалась крошечной — койка, столик, иллюминатор размером с тарелку. И запах. Густой, маслянистый запах дизельного выхлопа, который сочился откуда-то из чрева корабля и забивался даже в самые дальние углы.

Мартин сел на койку, положил портфель рядом. Пальто повесил на крючок — оно тут же упало, и он оставил его лежать.

Дирижабль оторвался от мачты ровно в полночь. Толчок, дрожь, потом плавное, почти невесомое скольжение вверх. Где-то загудели дизели — глухо, мощно, натужно.

Мартин прижался лбом к холодному стеклу иллюминатора.

Зильбертфельс уходил вниз — медленно, будто нехотя. Сначала исчезли флагштоки, потом крыша гимназии, потом весь старый кирпичный квартал, где он прожил двадцать три года. Море стало плоским, свинцовым, чуть тронутым лунной дорожкой.

Где-то там, осталось плетёное кресло на балконе, стопка проверенных тетрадей и книга по латинской грамматике с закладкой на середине.

Где-то там остался Февраль. Февраль, который всё ещё дует и свистит, обещая то, чего не может дать.

— Свисти, — сказал Мартин в иллюминатор. — А я полетел.

Дизели чадили, сотрясая рёвом стены дешёвой каюты. Но Мартину это казалось лучшей музыкой на свете.